

В.Н. Елизарьев

**БОРЬБА ЗА САХАЛИН
ПОСЛЕ СИМОДСКОГО ТРАКТАТА
(1855 – 1867 гг.)**

1855 г. стало особым в отношениях между Россией и Японией: русский посланник Е.В. Путятин сумел подписать в г. Симода (Япония) первый русско-японский трактат о торговле¹, который был с большим удовлетворением встречен русским правительством. 25 ноября 1856 г. в Симодэ состоялся обмен ратификационными грамотами, и трактат вступил в силу². Это открывало возможности развития торгово-экономических отношений между двумя странами, но в тот период для России несоизмеримо важнее было решить вопрос о границе между странами и принадлежности Сахалина, который «был признан в общем и нераздельном владении России и Японии»³.

С одной стороны, действия третьего русского посольства в Японии в главе с Путьяниным, после безуспешных в целом итогов переговоров русских послов А.Э. Лаксмана в 1792 – 1793 гг. и Н.П. Резанова в 1803 – 1805 гг., стали реальным успехом России, сумевшей, во-первых, добиться установления межгосударственных отношений, во-вторых, определить первые российско-японские границы по Курильским островам, в-третьих, что особенно важно, создать предпосылки долгосрочных взаимовыгодных соглашений.

С другой стороны, неразделенность Сахалина оставляла и широкое поле деятельности дипломатическим службам обеих стран для выработки новой стратегии и тактики в борьбе за обладание островом. Эта борьба между Россией и Японией за решение «сахалинского вопроса» продолжалась 20 лет.

Исследователь Д.М. Позднеев время, затраченное Путьяниным на переговоры и подписание документа, разделил на три этапа: 1) затраченное «на решение сёгуната на открытие доступа в страну иностранцам вообще и назначением определенных портов для иностранных кораблей»; 2) на «инт-

риги между Путятиным и Перри»; 3) «на преодоление подозрительности и опасений японского правительства, которые по отношению к России были сугубыми, нежели по отношению к прочим странам»⁴.

Россия, включившись в общемировой процесс раздела сфер влияния на Дальнем Востоке, стремилась не допустить иностранные державы к Амуру как ключу к своим восточным территориям. В своем стремлении присоединить Сахалин Россия была готова идти на уступки Японии в пользовании рыбными промыслами на Сахалине и по Дальнему Востоку («оставить японцам пользование рыбными ловлями хоть на 99 лет»⁵). Главная ее цель состояла в том, чтобы получить контроль над проливом Лаперуза, то есть овладеть Сахалином и установить границу по проливу между Сахалином и Хоккайдо.

Сложность заключалась в том, что «неразделенность», записанная в интересах смешанного японо-русского населения острова⁶, с точки зрения японцев, была обещана Россией как сохранение на острове Сахалин состояния статус-кво, то есть сохранение прав японцев и положения, сложившегося в распределении и расположении русских и японцев на острове. Нужно было «раскачать» ситуацию, создать совершенно новые условия проживания русских и японцев на Сахалине, доказать преимущество своих претензий на остров. По оценке М.И. Венюкова, «неразделенность» острова «доставила нам немало хлопот и могла бы стать источником постоянных столкновений с Японией, если бы не убеждение японского правительства, что с сильным соседом лучше жить в мире»⁷.

У японцев к моменту высадки Г.И. Невельского в сентябре 1853 г. строения были «разбросаны по двадцати селениям Анивского залива и Татарского пролива»⁸, а у русских к моменту подписания Симодского трактата – ни одного (в мае 1854 г. Муравьевский пост был снят, строения сданы японцам, которые впоследствии были ими сожжены⁹). По мнению В. Латышева, японцы в 1854 г. заселяли 44 пункта, в основном на юго-западном побережье и в заливе Анива¹⁰. После снятия Муравьевского поста японцы убрали следы присутствия русских в ответ на «рейды русских, которые сжигали японские кварталы в Кусун-Котане и разрушали рыбооловецкие сооружения»¹¹.

Переговоры в Симодэ проходили в сложной обстановке и на заключительной встрече 14 декабря 1854 г. японцы получили от Путятина подтверждение, что земли, на которых японцы и айны Эдзо проживали до сих пор, принадлежат Японии¹².

Во второй статье трактата записано, что Крафто (Сахалин) остается неразделенным между Японией и Россией, как было до сего времени¹³, а в приложении – что «земли, на которых японцы и айны Эдзо проживали на Карафуте до 5-го года Каэй, или по западному календарю до 1852 года, следует признать принадлежащими Японии»¹⁴. После этого Сахалин окрашивался на русских картах весь русским, а на японских – весь японским¹⁵.

Японская сторона добившись от Путятин признания крайнего юга острова за Японией¹⁶, стремилась сохранить статус-кво на острове, сложившийся для обеих сторон на тот момент, а российская сторона упор сделала на слово «неразделенным», что означало откладывание пограничного размежевания на будущее.

Русское правительство понимало преимущество японцев в правах на Сахалин, как «завоевателей на Мацмае, Сахалине и Курильских островах... но в строгом смысле они могут считаться только пришельцами в крае (речь идет о Сахалине. – В.Е.), а не властителями части его de-jure или de-facto. Селения их находятся лишь к югу от 48° широты и таким образом не охватывают и трети острова, а внутрь страны и вовсе не проникают. Отношения Японии к туземцам Сахалина скорее напоминают номинальное владычество китайцев над амурскими гилияками и мангунами в половине нашего века»¹⁷.

Япония на этот вопрос имела другие взгляды. Она считала, что обладает большими правами на эти земли как разместившая свои фактории на южной половине Сахалина ранее русских, и поработившая айнов, проживавших на Южном Сахалине, Южных Курильских островах и Хоккайдо. К тому же японцы считали, что сохранение статус-кво означает для российской стороны обязательство не расширять рамки своего присутствия на острове. Разное понимание сторонами статус-кво привело к неизбежному смешанному проживанию японцев и русских на острове¹⁸.

Аналитики и историки отмечали, что Путятин не оказывал давления на Японию вооруженной силой¹⁹. Другого пути, кроме мирного решения вопроса, который бы дал юридические основы для дальнейшего развития переговорного процесса, у России не было. За плечами у двух стран остались почти полувекое отсутствие практически всяких отношений. Со времени набегов Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на японские фактории на Итуруп и Южном Сахалине прошло полвека, но Япония не могла смириться с их последствиями. Правительство Японии рассматривало вариант возможного похода на С.-Петербург. Д.М. Позднеев считал, что русские не имели «представления о том, что такое японцы. Они не знали, что это народ старой культуры, самолюбивый, никогда не видевший на своей территории неприятельских войск и чрезвычайно гордившийся этим»²⁰. Тем не менее этот инцидент породил «вполне определенное чувство страха перед Россией»²¹.

За налаживание новых русско-японских отношений и взялся Путятин. Что было важнее в момент переговоров: подписать трактат или решить вопрос о Сахалине? Очевидно, что Япония к моменту подписания договора с Россией уже не могла остановить процесс своего «раскрытия» перед торговыми притязаниями иностранцев, о чем свидетельствует череда итоговых документов с разными странами. Но ни одна из других стран не была в ситуации, похожей на российскую. Россия устанавливала и устраивала свое

соседство с севера, соседство на века, а потому простого разрешения на торговлю было явно мало.

Не могла Россия повторить и ошибку Резанова, который завершил свою встречу за полвека до этого ультиматумом. К тому же и сама ситуация в Японии по оценкам японских чиновников, встречавших Путятину в Нагасаки, изменилась: если во время прихода Резанова только двое из шести членов Верховного Совета Японии были за начало отношений с иностранцами, то в 1863 г. только двое были против отношений с другими государствами²².

Поэтому Симодский трактат как результат совместных действий при ликвидации последствий землетрясения и цунами²³, дал хорошие возможности для возобновления и проведения дальнейших переговоров.

Неразделенность Сахалина следует считать в большей степени успехом России и неудачей Японии. После подписания Симодского трактата перед дипломатическим корпусом России встала задача решить вопрос безболезненного для Японии перехода Южного Сахалина в российское владение и установление границы между Россией и Японией по проливу Лаперуза.

Симодский трактат стал стартом борьбы России и Японии за обладание Сахалином. Напряженность ее усиливала Крымская война, не позволявшая полностью сосредоточиться на русско-японских переговорах и требовавшая сохранения для России побережья материковой части современного Хабаровского края.

Первый этап борьбы (1855 – 1867 гг.) давал России и Японии возможности испытать разные способы обоснованности своих претензий на остров. Принципиальная победа русского дипломата позволила России начать активные действия по закреплению за собой Сахалина. Общая атмосфера дружелюбия, взаимная помощь и понимание проблем, которые испытывали русские и японцы в декабре 1854 г., способствовали относительно мягким формулировкам русско-японского договора, в который по настоянию Путятина не был внесен важный для японцев пункт о признании айнов японскими подданными.

Вскоре после подписания Симодского трактата Путятин в июле 1855 г. писал, что «при занятии новых пунктов на Сахалине необходимо будет в целях упрочения дружеских отношений с Японией не делать заселений в заливе Анива и вообще избегать заселения этих мест, где сделаны японские летние, а тем более, зимние устройства»²⁴.

Решающим толчком для усиления русской экспансии на Сахалин могло быть присоединение к России Приморья и Приамурья. Для России важно было не только определиться с русско-китайской границей, но и получить выход в южные моря, чтобы создать в них новые порты и поселения. У России фактически не было другого решения стратегической задачи своего закрепления на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Угроза экспансии

американцев и англичан требовала неотложных мер. Благодатную почву для этого давала и слабость Японии, определяемая внутренними факторами. К тому же на стороне России было моральное преимущество одной из ведущих мировых держав, у которой весомыми аргументами были напор, военное превосходство и опыт в военно-политическом отношении. Россия имела более сильные военно-морские «аргументы», дававшие превосходство над Японией, хотя оторванность от Европейской России скрадывала это преимущество.

Со всем этим Япония не могла не считаться. На стороне Японии было терпение и последовательность действий в достижении намеченной цели, а также близость расположения острова к японскому государству.

Япония не была готова противодействовать России: продолжавшаяся самоизоляция, накопление противоречий в обществе, отрицательное отношение общества к открытию дверей иностранному капиталу, слабость правительственной линии и интриги представителей зарубежных государств не давали возможности Японии в полной мере сформировать эффективную политику контрмер. К тому же Сахалин интересовал японцев в основном с экономической точки зрения. И в отсутствии уверенности в своем праве на остров Япония была «нерешительна до смешного», и японцы «держали себя как дети»²⁵.

Психология японцев подсказывала им: формулировка Симодского трактата «как было до сего времени», сохранение статус-кво не должны позволять российской стороне расширять рамки своего присутствия на острове, русские не должны двигаться на юг острова. В то же время Япония видела своей задачей четкое обозначение своих прав на Южный Сахалин и его население, айнов как «периферийного» народа Японской империи, чьи земли должны быть присоединены к Японии.

Однако русские действовали по принципам и задачам, определенным еще в период экспедиции Путятина. России был нужен Сахалин, и государственная политика, настойчиво реализуемая генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, давала свои результаты, вызывая досаду у японцев, не желавших мириться с исторической неизбежностью перехода Сахалина в русское владение. Как отмечал на Особом совещании член Совета министра иностранных дел Ф.Ф. Мартенс, «Япония продолжала заявлять претензии на обладание всей южной частью Сахалина к югу от 50-й параллели; со своей стороны и мы, оценив важное стратегическое значение острова по отношению к устью р. Амура, где в это время находился наш единственный на Тихоокеанском побережье оборудованный военный порт Николаевск, прилагали усилия к фактическому закреплению за нами всей территории острова»²⁶.

В борьбу за раздел сферы влияния на Дальнем Востоке включились Англия и Франция, которые в период русско-японских переговоров Путятина в Японии не только воевали с Россией, но и преследовали русский флот

на Дальнем Востоке, предприняли попытку захватить Петропавловск на Камчатке.

У русских стали появляться сведения, что «японское правительство намеревается заселить остров Сахалин путем предоставления иностранным компаниям эксплуатации месторождений каменного угля»²⁷. В ответ для безотлагательного решения «самого насущного вопроса нашего обладания и влияния на острове Сахалин» русская администрация «предоставила русским промышленникам и иностранцам права эксплуатации каменноугольных залежей на Сахалине»²⁸.

К концу 50-х гг. действия России по заселению Сахалина, доставке на остров военного снаряжения, укреплению военных постов, отправке туда дополнительного военного контингента начали усиливаться. В июле 1857 г. Н.В. Рудановский как уже опытный и знающий Сахалин и японцев руководитель, был направлен на основание нового поста у айнского селения Наёро (Пензенское), расположенного неподалеку от самой узкой части острова Сахалина. Этими действиями Рудановский показывал, что интересы России как минимум совпадают с планами Японии по установлению в этом районе пограничной линии, а с другой стороны, утверждал растущее влияние русских и на южную часть острова.

Появление русских в узкой части Сахалина стало болезненным событием для губернаторства Хакодате: оно указывало на их стремление взять под свой контроль стратегические пункты. Это подтолкнуло Японию к подготовке делегации для отправки в С.-Петербург на переговоры по территориальному разграничению с Россией.

Одновременно японцы, обеспокоенные появлением русских военных, начали срочное обустройство своих дозорных постов в самой узкой части Сахалина – в п. Кусунае и Мануэ. Однако неподготовленность к зимовке, незнание местных условий и недостаток продовольствия привели к гибели 25 человек²⁹.

Предпринятые Н.Н. Муравьевым сплавы (рейды военных и переселенцев) по р. Амур в 1854 – 1858 гг.³⁰ для укрепления районов устья реки создали благоприятную почву для проведения переговоров с Китаем, привели к подписанию во время пятого сплава в мае 1858 г. Айгунского соглашения. Уступка Китаем всей территории вдоль Амура и Тихоокеанского побережья коренным образом изменила ситуацию, а очертания дальнейших перспектив взаимоотношений между Россией и Японией приобрели совершенно новое качество. Отошедшие к России Приамурье и Приморье требовали новых динамичных действий русской дипломатии по закреплению за Россией и острова Сахалина.

Уже летом 1858 г. в Кусунае высадился русский военный отряд численностью в 22 человека; командовал им поручик корпуса флотских штурманов П.И. Маргасов.

В ответ губернаторство Хакодате начало выдавать разрешения японским рыбопромышленникам на обустройство рыболовств (хозяйств по ловле и переработке рыбы) на всем Южном Сахалине. Власти Японии рекомендовали им построить в Усёро (Усиёро; современное с. Орлово Углегорского района. – В. Е.) факторию, приступить к освоению морских ресурсов, переселить туда самураев и крестьян, организовать пограничную охрану этого района³¹. Организованное японцами частное рыболовство в Усёро стало самым северным опорным пунктом японцев на западном побережье острова Сахалина. С этого времени отношение к русским начало меняться.

Таким образом, в этот период интересы России, направленные на закрепление достигнутых результатов продвижения русских в XVI – XVIII вв. к берегам Охотского моря, Тихого океана и Америки, выглядели вполне естественными. Но они пришли в противоречие с интересами Японии по сахалино-курильским вопросам.

Муравьев был далеко не в восторге от заключенного Россией Симодского трактата и последующих за ним трактатов 1857 и 1858 гг. Он оценивал их так: «Все эти торговые трактаты, списанные с американских, заключенные прежде нас, могли ограничиться одним трактатом и в одной статье, а именно 9-й трактата 1855 года: во уважение соседства обоих государств все права и преимущества, какие Япония предоставила ныне или даст в последствие другим нациям, в то же самое время распространяются и на русских подданных, и вследствие этой статьи трактаты 1857 и 1858 годов были совершенно излишними, а между тем могут заключать в себе подробности менее выгодные, чем те преимущества, которые даны другим нациям»³².

Окрыленный успехом с Китаем, он был уверен, что ему удастся решить и «сахалинский вопрос». Он неоднократно информировал правительство России о посягательствах иностранцев на Сахалин и вызвался провести переговоры с японцами о принадлежности Сахалина. Он считал: «Необходимо было бы покончить и с Япониею о Сахалине, чтобы и там они нам не мешали»³³.

Прибыв в августе 1859 г. в Японию, Муравьев недвусмысленно сформулировал претензии России на Сахалин. Он выдвинул четыре предложения в качестве решения вопроса по Сахалину (а не два, как указала Э. Файнберг³⁴ и не три, как указал Д. Стефан³⁵; при этом Э. Файнберг и Д. Стефан дали их в таком виде, что они с трудом узнаются в авторском тексте Муравьева).

Предложения, сделанные Муравьевым³⁶, состояли в следующем.

1. «Отныне границею между обоими государствами будет пролив Лаперуза, так что все острова, лежащие к северу от сего пролива принадлежат Российскому государству, а лежащие к югу от него – Японскому» (Э. Файнберг: «Граница устанавливалась по проливу Лаперуза; Д. Стефан: п. 1. «Сахалин является русской территорией»³⁷).

2. «Рыбные промыслы, заведенные японскими подданными на южной части острова Сахалина, в заливе Анива, остаются в частном и исключительном их владении на вечные времена и занимающиеся этим промыслом люди состоят там под особым покровительством и под защитой русского оружия» (Э. Файнберг: «Рыболовные промыслы оставались в их частном владении под защитой русских законов»³⁸; Д. Стефан: «Японские рыбаки могут продолжать на Сахалине свою деятельность»³⁹).

3. «Японским подданным предоставляется селиться как на острове Сахалин, так и в других прибрежных местах Российской империи в Восточном океане принадлежащих» (Д. Стефан: «Японские путешественники могут свободно совершать поездки вдоль Амура»⁴⁰).

4. «Всем японцам, проживающим как на острове Сахалин, так и в других местах Российской империи, предоставляется полная свобода богослужения и постройка храмов по их вероисповеданию и во всех случаях они подчиняются действию русских законов».

Несколько иная трактовка предложений Муравьева содержится у А. Трехсвятского и Т. Акидзуки. Трехсвятский указывает на три пункта: пролив между Сахалином и Эдзо признать за границу между двумя странами; японские рыболовы могут по-прежнему вести свои промыслы в заливе Анива на Сахалине; японцы разных сословий могут поселяться в Приамурье.

Внимание к точности изложения предложений Муравьева обусловлено тем, что именно этот документ отражает всю полноту нюансов политики России, стремившейся любыми средствами присоединить Сахалин, а всякое смягчение или изменение предложений генерал-губернатора в дальнейшем уводило внимание исследователей от сути проблемы.

В стенограмме отмечено, что огласив три пункта, Муравьев добавил, что Россия также берет на себя и защиту острова⁴¹. Т. Акидзуки пишет, что «Муравьев предложил установить границу по проливу Лаперуза, признав право японцев на проживание и занятие рыболовством на Сахалине и в Приморье»⁴². Приняв к сведению предложение Муравьева, японская сторона заявила, что установление границы – это важнейшее государственное дело и потребует много времени, но что в любом случае граница по проливу Лаперуза для Японии неприемлема³⁷.

Муравьев ничего не смог противопоставить сложившимся убеждениям японцев, на которых доводы об исконности русских земель на Сахалине не действовали, а потому заявил, что в случае непринятия его предложения он покидает Японию и граница между двумя странами остается в рамках, очерченных «Трактатом о торговле и границах». По мнению А.И. Алексеева, Муравьев во время этой поездки старался не спровоцировать конфликт между Россией и Японией⁴³.

17 октября 1859 г. Муравьев доложил министру иностранных дел А.М. Горчакову, что «остров Сахалин остается между Россией и Японией неразделенным. Высочайшее повеление об этом занятии необходимо было

бы получить здесь сколь возможно поспешнее, дабы назначаемые для сего две роты могли отправиться из Николаевска тотчас по открытии навигации». На этом письме император Александр II начертал: «Согласен»⁴⁴.

Тупиковая ситуация в переговорах требовала официальных объяснений российского посланника перед правительством и императором. В рапорте императору от 31 октября 1860 г. Муравьев писал, что «частые переговоры с японцами об этом острове служат только к внушению им мысли о правах на Сахалин...», но и мы «внушили японцам, что считаем себя вправе владеть всем островом Сахалином, чего они прежде не допускали. Все это указывает, что переговоры о Сахалине с японским правительством не только не повредили делу, но напротив того, возбудили вопрос дипломатическим путем и положили начало для дальнейших переговоров...»⁴⁵.

С начала 60-х гг. появились признаки усиления в отстаивании японцами своих позиций на Южном Сахалине. Между русскими и японцами на Сахалине стали возникать разногласия и серьезные трения.

4 июля 1862 г. И.А. Гошкевич писал в Азиатский департамент МИДа, что на Южном Сахалине «японцы мало помалу усиливают свое народонаселение, предоставляя князьям право рыбной ловли по берегам его с условием защиты их»⁴⁶. При этом он отмечал унижительную роль айнов по отношению к японцам, запрещавшим коренным жителям «входить в какие-либо сношения с русскими». Японцы стремились этому шагу придать широкомасштабную акцию и показать принадлежность аборигенов к японской культуре и образу жизни.

В качестве основной территории, подлежащей «японизации», чиновники губернаторства Хакодате определили часть острова, находящуюся южнее линии Кусунай – Мануэ, в самой узкой части Сахалина. Здесь государственные чиновники Японии планировали соорудить основные правительственные учреждения и тем показать русским японскую принадлежность южной части острова.

В июне 1860 г. на Сахалин была отправлена 2-я рота 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, которую разместили на Дуйском и Кусунайском постах⁴⁷.

П.В. Казакевич 27 июля 1860 г. из Хакодате писал императору, что «для беспрепятственного и прочного занятия Сахалина полезно было бы увеличить постепенно посты, спускаясь, по мере возможности, на юг и, занимая места на том основании, что остров остался не разграниченным. Когда таким образом мы дойдем до Анивы, то конечно японцы сами уже будут хлопотать о разграничении, опасаясь, по их понятиям, и за остров Иессо. Тогда оставим за японцами исключительные права вывоза рыбы, которая необходима им для удобрения рисовых полей, но трудно будет признать границу Лаперузов пролив»⁴⁸.

После заключения Пекинского трактата в 1860 г. и обретения Россией Приморья и Приамурья, по оценке управляющего морским министерством России, возникла «жажда всех наций утвердиться на Тихом океане»⁴⁹.

В феврале 1861 г. Особый комитет МИД России рассмотрел вопрос «По делу об острове Сахалин»⁵⁰. Участники заседания высказали мнение, что необходимо «угovorить японское правительство уступить России весь остров, предоставив японцам, поселившимся уже на южной части, остаться на занимаемых ими местах, и для того не мешало бы попытаться предложить японцам, при благоприятном случае, взять принадлежащий нам остров Уруп, ближайший к Японским владениям, – взамен южной части Сахалина. В случае, если не примут этих предложений, тогда мы будем поставлены в необходимость согласиться на разграничение. Удовольствоваться граничною линией по 50° с. ш. мы ни в каком случае не можем, и должны настаивать на оставление за нами всей части острова до поста нашего на Кусунае, т. е. по 48° с. ш. В самом крайнем случае мы можем согласиться на проведение граничной черты по 49° с. ш.»⁵¹.

Тем временем Япония, изучив материалы переговоров с Муравьевым-Амурским, признала также необходимым бороться за Сахалин, поскольку если Китай отказался от своего влияния на остров Сахалин, то у японцев, как и у русских, возникли равные права и возможности по занятию всего острова. Однако государственные чиновники знали, что Россия не намерена отказываться от острова, и решили провести переговоры на российской стороне.

В 1862 г. Япония отправила в С.-Петербург миссию во главе с Мацудайра Ивами-но-ками для ведения переговоров о проведении границы по 50-й параллели.

На переговорах в августе 1862 г. уполномоченный русского правительства А.П. Игнатъев настаивал на проведении границы по проливу Лаперуза, указывая, что ранее Сахалин принадлежал Китаю, отказавшемуся от этих территорий в пользу России. А японская делегация упор делала на проведении границы по 50-й параллели, обосновывая это «историческими правами» на Сахалин⁵².

Переговоры закончились ничем. Русское правительство, принимая во внимание пожелание японцев разрешить проблему, обещало предоставить необходимые полномочия военному губернатору, командующему эскадрой на Тихом океане П.В. Казакевичу, который продолжал наращивать военное присутствие на острове, продвигая посты на юг Сахалина. С 1862 по 1867 гг. на острове были заложены новые посты у селения Мануэ и на реке Найбучи, был восстановлен Муравьевский пост.

Принятые меры усилили положение русских на Южном Сахалине. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в меморандуме «Обзор действия и настоящего положения дел относительно владения островом Сахалином» от 29 января 1865 г.⁵³ отмечал, что японцы затягивают

переговорный процесс и предпринимают меры по захвату Южного Сахалина, чтобы поставить русских перед свершившимся фактом. В мае 1865 г. МИД поручил Корсакову принять меры по укреплению русских позиций на юге острова⁵⁴.

Было принято решение объединить руководство военными силами на Сахалине, начался поиск модели заселения Сахалина русскими и закрепления за собой занятых мест. 12 августа 1865 г. в русский пост Кусунай на корвете «Варяг» и 20 августа на судне «Богатырь» прибыл во главе военного отряда переселенцев вместе с женщинами и детьми, а также годичным запасом продовольствия, подполковник В.П. де Витте, который заявил японским чиновникам о предстоящем переселении на Сахалин 5 000–6 000 человек. Японцы расценили это как прямое нарушение русскими соглашения. Русские приступили к строительству своих сооружений вблизи японских постов, игнорируя запреты японских чиновников и ссылаясь на приказ своего государя. При этом русские солдаты произвели съемку побережья и дорог Южного Сахалина, а в Анивском заливе установили столбы с печатями⁵⁵.

Новые действия России вызвали серьезное противодействие японцев. Но укрепление русских постов и перемещение их на юг изменило ситуацию. Русские стали контролировать перемещение японцев на путях передвижения. Японцы, считая, что они по-прежнему вправе свободно перемещаться по южному Сахалину, старались не замечать русского военного присутствия.

В результате у поста Кусунай в марте 1866 г. произошло вооруженное «столкновение, во время которого было ранено четверо русских и два японца»⁵⁶. Этот инцидент вынудил японцев начать переговоры с русским консулом Е.К. Бюцовым в Хакодате, сменившим И.А. Гошкевича в 1865 г.

В мае 1866 г. Бюцов в пятчасовой беседе с Хакодатским губернатором заявил: «Мы намереваемся выйти из нашего бездействия на Сахалине». Одновременно военный губернатор Приморской области сообщил начальнику Амурской флотилии о предполагаемых действиях на Сахалине⁵⁷.

В июле 1866 г. Бюцов встретился с генерал-губернатором Восточной Сибири Корсаковым в Николаевске. Они обсудили сложившуюся ситуацию и решили усилить давление на японцев. В августе и сентябре 1866 г. численность сахалинского отряда была увеличена с дополнительным обеспечением его продовольствием и строительными материалами, а также горным орудием. А в сентябре 1866 г. был основан пост Найбучи в 75 верстах южнее от Мануэ⁵⁸.

Этот смелый шаг, равный по сути переходу русско-японского рубежа, вызвал шоковое состояние у японцев, вызвал у них «крайнее раздражение и нескончаемую дипломатическую переписку»⁵⁹, заставило их принять решение о подготовке новой экспедиции для переговоров с Россией. В сентябре 1866 г. русским стало известно о начавшейся подготовке японского посоль-

ства в С.-Петербург во главе с бывшим губернатором Койде-Ямотоно-ками (Койдэ), слывшим весьма «проницательным, умным и энергичным человеком»⁶⁰.

18 марта 1867 г. было подписано «Временное соглашение об острове Сахалин», завершившее первый этап соперничества России и Японии по «сахалинскому вопросу». С этого времени инициатива полностью перешла к России.

Таким образом в 1855 – 1867 гг. Япония стремилась отстоять статус-кво на неразделенной территории, сохранить положение, сложившееся между русскими и японцами на острове к моменту подписания Симодского трактата и усилить свои позиции на острове. Для достижения этих целей японское правительство применяло традиционные методы: расстановку военных постов в районе 48° с. ш., основание на предполагаемой границе раздела государственного рыболовства и усиление частной рыбопромышленности к югу от линии Кусунай – Мануэ; усиление государственной социально-экономической политики в отношении айнов, введение административного управления на территории расселения айнов с последующим перемещением своего влияния на более северные от линии Кусунай – Мануэ районы расселения айнов вплоть до 50° с.ш.

Переговоры между Россией и Японией стали сложными маневрами двух стран, каждая из которых приводила разные аргументы в защиту своих прав на Сахалин. С этого времени Россия начала усиливать свое военное присутствие на Южном Сахалине и формировать административно-военное управление Сахалином в противовес административному управлению со стороны Японии.

Примечания

¹ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774 – 1906). Варшава, 1906. С. 128–130.

² *Ситаро Накамура*. Японцы и русские: Из истории контактов. М., 1983. С. 174–176.

³ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 192 (1907). Л. 18.

⁴ *Позднеев Д.* Япония: Страна, население, история, политика. М., 1925. С. 240.

⁵ Письмо Н. Муравьева Е. Бюцову от 24 января 1872 г. ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 111. Л. 1 об.

⁶ *Нагао Арига*. Дипломатия // Японцы о Японии. Сборник первоклассных статей японских авторитетов. СПб., б.г. С. 140.

⁷ *Венюков М.* Россия и Восток: Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 133.

⁸ *Буссе Н.В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853 – 54 гг.: Дневник 25 августа 1853 – 19 мая 1864 г. СПб., 1872. С. 83.

⁹ *Алексеев А.И.* Вторая родина. Южно-Сахалинск, 1986. С. 20.

¹⁰ *Латышев В. М.* Первые статистические сведения об айнах Южного Сахалина // Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 49.

¹¹ *John A. Harrison*. Japan's Northern Frontier. Gainesville, 1953. P. 49.

¹² *Трехсвятский А.В.* Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. С. 168 (со ссылкой на: Старые документы Великой Япо-

нии: Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу. Токио, 1910. Т. 8. С. 342).

¹³ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией... С. 128.

¹⁴ Цит по: *Трехсвятский А.В.* Указ. соч. С. 168 (со ссылкой на: Старые документы Великой Японии. Т. 8. С. 339–341).

¹⁵ *Венюков М.* Очерки Японии. СПб., 1869. С. 424.

¹⁶ *Новаковский С. И.* Япония и Россия. Токио, 1918. С. 175.

¹⁷ *Венюков М.* Очерки Японии. С. 326.

¹⁸ *Акидзуки Т.* Японо-русские отношения и остров Сахалин // Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск). 2002. № 2. С. 16.

¹⁹ История дипломатии. М., 1959. С. 767.

²⁰ *Позднеев Д.* Указ. соч. С. 238.

²¹ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией: 88 вопросов от граждан России. М., 2000. С. 50.

²² Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов в Японию и Китай, 1852 – 1855 гг. // Морской сборник. 1856. Т. XXIV. № 10. С. 46.

²³ Во время цунами в Симодэ уцелело только 16 домов из 1 000, погибло 109 японцев, а русские потеряли свой корабль «Диана». С помощью японцев они построили новый корабль «Хеда», на котором вернулось в Россию 40 человек, возвратили судно японцам, чтобы не уплачивать стоимость его сооружения (См.: Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина... С. 78–93).

²⁴ *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений: XVII – XIX века. М., 1999. С. 191.

²⁵ *Чехов А.П.* Остров Сахалин. М., 1984. С. 194.

²⁶ ДВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 192 (1907). Л. 18.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 120. Л. 73.

²⁸ Там же. Л. 75.

²⁹ *Трехсвятский А.В.* Указ. соч. С. 186.

³⁰ *Лапина В. Г.* Приобретатель для России Амура // Россия и АТР (Владивосток). 1998. № 4. С. 20 – 21.

³¹ *Трехсвятский А. В.* Указ. соч. С. 186.

³² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 437. Л. 32 об.

³³ *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. С. 538.

³⁴ *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг. М., 1960. С. 190.

³⁵ *Стефан Д.* Сахалин. История // Краеведческий бюллетень. 1992. № 2. С. 39.

³⁶ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 437. Л. 36.

³⁷ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч. С. 190.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Стефан Д.* Указ. соч. С. 39.

⁴¹ *Трехсвятский А.В.* Указ. соч. С. 212.

⁴² *Акидзуки Т.* Указ. соч. С. 33.

⁴³ *Алексеев А.И.* Курилы: русско-японский рубеж. Южно-Сахалинск, 1991. С. 24.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 437. Л. 31–33.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1633. Л. 321–323; СЦДНИ. Ф. П-4704. Оп. 3. Д. 57.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 501. Л. 3.

⁴⁷ *Костанов А. И.* Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1992. С. 30.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1633. Л. 302; СЦДНИ. Ф. П-4704. Оп. 3. Д. 57.

- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 325. Л. 6.
- ⁵⁰ СЦДНИ. Ф. П-4704. Оп. 3. Д. 87.; РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 43.
- ⁵¹ СЦДНИ. Ф. П-4704. Оп. 3. Д. 87.; РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 43.
- ⁵² *Файнберг Э Я.* Указ. соч. С. 207–208.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА 1-1. Оп. 15. 1865. Д. 8.
- ⁵⁴ *Файнберг Э Я.* Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁵ *Акидзуки Т.* Указ. соч. С. 49 – 50.
- ⁵⁶ *Алексеев А И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 84.; *Файнберг Э Я.* Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 166. Л. 1а, 1б, 1в, 1г.
- ⁵⁸ *Файнберг Э Я.* Указ. соч. С. 213–214.
- ⁵⁹ *Поляков И.* Сахалин // Живописная Россия. Т. XII. Ч. II. СПб., 1895. С. 237.
- ⁶⁰ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 166. Л. 25; АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА 1-1. Оп. 15. 1866. Д. 14.